

ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ БАРЫШЕНЬ.

(Изъ матеріаловъ для изученія современныхъ понятій объ отвле-
ченныхъ предметахъ).

Мы получили настоящую статью при слѣдующемъ письмѣ къ редактору:

Милостивый Государь!

Каждое время имѣетъ свои понятія о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ, какъ напримѣръ: честь, долгъ, нравственность и пр., и не зная этихъ понятій—нельзя вѣрно судить объ эпохѣ.

Матеріалы, которые доставляетъ для этой характеристики эпохъ изящная литература, суть болѣе или менѣе произведенія вымысла и наблюденія, прошедшія, какъ извѣстно, черезъ горнило созданія. Желая присоединить къ нимъ болѣе прочныя и фактическія данныя, тѣ подлинныя источники, на которыхъ правдивый историкъ съ большей достовѣрностью можетъ строить свои выводы, я занимаюсь *собираніемъ матеріаловъ для изученія современныхъ понятій объ отвлеченныхъ предметахъ*. Нижеприлагаемая переписка составляетъ одинъ изъ образчиковъ добытаго мною матеріала. Настоящее мѣсто ея было бы, повидимому, на страницахъ «Русской Старины» или «Русскаго Архива», но хотя она несравненно любопытнѣе многихъ писемъ и переписокъ, помѣщаемыхъ въ этихъ почтенныхъ сборникахъ, однако по многимъ причинамъ не можетъ надѣяться попасть въ нихъ. Для этого, во-первыхъ, она должна бы быть снабжена примѣчаніями о происхожденіи, рожденіи, родствѣ и свойствахъ всѣхъ упоминаемыхъ въ ней лицъ до седьмаго колѣна включительно, чего я никакъ не могъ сдѣлать, ибо объ этихъ лицахъ ничего, кромѣ высказаннаго о нихъ въ перепискѣ, рѣшительно не знаю. Во-вторыхъ, переписка для этого слишкомъ, такъ сказать, свѣжа, тогда какъ по условіямъ вышеупомянутыхъ сборниковъ она должна бы предварительно нѣсколько попортиться, какъ говорится,

тронуться, полежа въ лѣтъ пятьдесятъ въ портфелѣ. Не желая и не видя возможности ждать, для исполненія втораго условія, столько времени, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, не только оболочка моего портфеля, но и моя собственная совершенно разрушится, а между тѣмъ, желая показать образчикъ собираемыхъ мною матеріаловъ и сдѣлать его общеизвѣстнымъ, я препровождаю настоящую переписку въ вашъ журналъ. Къ этому я позволяю себѣ присовокупить просьбу къ вашимъ читателямъ, чтобы въ случаѣ, если кто либо изъ нихъ пожелаетъ оказать мнѣ свое содѣйствіе сообщеніемъ матеріаловъ для задуманнаго мною собранія, то присылалъ бы таковые, если позволите, хоть черезъ контору вашего журнала. Эта помощь будетъ принята мною съ величайшей благодарностью и много облегчитъ мой нелегкій трудъ, который едва ли исполнимъ безъ общественнаго содѣйствія и сочувствія.

Примите увѣренія и пр.

М. Авдѣевъ.

С. Буруновка (близъ Стерлитамака).

Ноябрь 1874 года.

I.

Отъ Зизи къ Додо.

Москва 9-го октября 187 г.*

Нужды нѣтъ, что всего прошло пять дней, какъ я проводила тебя на николаевскую станцію, моя дорогая и милая, милая Додо, но я не могу удержаться, чтобы не начать нашу условленную переписку. Ахъ какъ мнѣ кажутся безконечно длинны эти скучные вешніе дни безъ тебя, какъ недостаетъ мнѣ тебя, хотя ты всегда сухо отвѣчала на мои ласки, на мою любовь и задушевную откровенность, на мою: «душа на распашку» — *сomme on dit*. Но я знаю, что ты несмотря на свою наружную сухость имѣешь не черствое сердце и все таки немного любишь твою экспансивную, такъ тебя обожающую Зизи... Хотя суровость идетъ къ твоему восхитительному, классически правильному — *сomme on dit* — личику, и ты это знаешь, но тѣмъ не менѣе я отсюда вижу какъ раздвигаются твои строгія бровки и ты съ улыбкой, нѣсколько снисходительной, слушаешь болтовню твоей «пышки», какъ ты называешь меня на своемъ реальномъ петербургскомъ языкѣ.

Ахъ душка, какъ еще скучно въ Москвѣ! Театры, кажется, что-

то играютъ, но такое безцвѣтное, вечера не начинались; только и развлеченья, что сегодня съ маманъ была у обѣдни. Какъ я вспоминаю нѣсколько очаровательныхъ дней, которые провела съ тобою у дяди Ивана и какая была счастливая идея у маманъ и тети съѣхаться у него въ Березовскомъ! Конечно, Березовское уже далеко не то, что было въ доброе старое время, которое мы съ тобой едва помнимъ; но все таки дядя Иванъ такой настоящій русскій баринъ, что, глядя на него, нельзя не вѣрить его словамъ: «къ намъ еще воротятся»!

У насъ никого еще не бываетъ, кромѣ Константина Семеныча—помнишь котораго я тебѣ показывала—пятидесятилѣтняго, еще добраго румянаго и щеголевато стараго поклонника маманъ, который остается ей вѣренъ до сихъ поръ, и по прежнему ежедневно бываетъ у насъ. Впрочемъ, я ему не удивляюсь: маманъ еще очень сохранилась для ея лѣтъ и все еще *belle-femme*,—чего жъ ему еще? Кстати о немъ. Я была надняхъ невольно свидѣтельницей забавной семейной сцены, которая однако разъяснила нѣкоторыя мои сомнѣнія. По дружбѣ сообщу тебѣ ее. Я озябла и сидѣла вся съежившись въ гостинной, въ углу канapé, съ книгой, а маманъ была рядомъ въ своемъ кабинетѣ. Папа пришелъ къ ней, и они оба, вѣроятно, меня не видали. Сначала у нихъ зашелъ разговоръ о деньгахъ и маманъ начала упрекать папа, что онъ много издержалъ безъ насъ:

— А все это на вашихъ Альфонсинъ и Бертъ, къ которымъ вы таскались въ Эрмитажъ каждый день! Я вѣдь все знаю! сказала маманъ.

— *Ma chère*, отвѣчалъ папа съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:—надо всякому предоставить его маленькія развлеченія. Константинъ Семенычъ доставляетъ тебѣ удовольствіе своими посѣщеніями ежедневно двадцать лѣтъ кряду, но вѣдь я не упрекаю тебя!

— Но онъ стоитъ только лишняго прибора за обѣдомъ, отвѣчала маманъ:—если не считать, его безчисленныхъ услугъ, какъ преданнаго друга дома, и безъпрерывныхъ подарковъ дѣтямъ.

— Которыхъ онъ любитъ какъ своихъ, иронически прибавилъ папа.

— Да, какъ своихъ! рѣзко отвѣчала маманъ:—хотя стоитъ взглянуть только на носы, которыми ты ихъ наградилъ, чтобы не сомнѣваться, чьи они!

И дѣйствительно, у всѣхъ насъ, къ сожалѣнію, носы луковичей, какъ у папа, тогда какъ у Константина Семеныча очень красивый греческій носъ.

— Да, что касается носовъ—то они дѣйствительно мои! дол-

женъ былъ сознаться папа, и мама заговорила снова о деньгахъ.

Тутъ я поспѣшила тихонько уйти, чтобы не показать, что я все слышала, потому что хотя дѣти всегда и все знаютъ про своихъ родителей, но принято этого имъ не высказывать—а я строго храню преданіе. Однако согласись, душка, что дѣтямъ пріятно видѣть, когда ихъ родители выказываютъ себя такими порядочными людьми въ спорѣ о такихъ деликатныхъ предметахъ? Да, душка, мы въ Москвѣ сору изъ избы не выносимъ и обличеній не терпимъ и оттого престижъ семьи остается у насъ непоколебимъ. Вообще, сознайся, ангелъ, что ты несправедлива къ Москвѣ, какъ истая петербурянка! Но я обожаю мою дорогую Москву, и чтобы вы, Петербургскіе, ни говорили, она останется доброй истинной русской Москвою, хранительницею семейнаго начала преданій, *сomme on dit*, идеала. Но нѣтъ его у меня! есть правда одинъ не очень възрачный, но и о немъ еще ни слуху ни духу. Братъ Вася говоритъ, что онъ вѣрно охотится еще въ своей деревнѣ. За обѣдомъ—у насъ молодежь прикармливаютъ не такъ, какъ у васъ, которые ихъ держите голодомъ—нѣтъ никого, кромѣ Константина Семеныча. Но вы можете морить молодежь голодомъ: у васъ некуда дѣваться съ нею, у васъ цѣлые полки, цѣлыя министерства ея, а у насъ ровно никого! Какъ это, однако, несправедливо! Вѣдь Москва тоже столица! Отъ чего бы не держать здѣсь—ну хоть нѣсколькихъ эскадроновъ и министерскихъ канцелярій? а то никого; хоть шаромъ покати, тѣмъ болѣе, что и отпуска еще не начинались! О какъ это невыносимо, душка! Я плачу съ досады и не могу продолжать письма! Утѣшь меня, мой прекрасный ангелъ, отвѣчай поскорѣе: да нельзя ли прислать хоть парочку молодежи?

Твоя всей душой
Зизи.

Р. С. Милѣйшей тетѣ Аннѣ Дмитріевнѣ и уважаемому дядюшкѣ Степану Петровичу засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе.

II.

Отъ Додо къ Зизи.

Петербургъ, 9-го октября 187 г.*

На углу Ингерманландской и Фридрихсгамской, № 3—14, д. министерства. кв. № 7.

Я тебѣ не такъ скоро отвѣчаю какъ бы хотѣлось, милочка Зизи, но все было некогда: устраивались, дѣлали визиты, принимали.

Сезонъ еще едва начинается и какъ мы устроимся нынѣшнюю зиму— не знаю; у отца съ мамой былъ споръ на этотъ счетъ ничѣмъ не кончившійся. Мама хотѣла опять назначить пятницы, какъ это бывало прежде, но отецъ говоритъ, что отъ нихъ никакого толку, кромѣ расхода, нѣтъ. Призвали меня въ посредницы и я должна была согласиться съ отцомъ, что приѣзжаютъ сыграть въ карты да поужинать только тѣ, отъ которыхъ, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока. Ты завидуешь обилію молодежи у насъ? какая наивность! Да ты знаешь ли, душка, что мы видимъ эти тысячи молодежи только издали, да мимоходомъ, въ театрѣ, на Невскомъ, на балѣ! Къ вамъ, если попадется какойнибудь молодой человѣкъ, такъ онъ весь вашъ: вы его запаиваете, закармливаете, онъ у васъ съ утра до ночи, и если не остается съ ночи до утра, то изъ одной деликатности; наша молодежь—это волки, какъ ихъ ни зови, они все въ лѣсъ! Они обѣдаютъ въ клубахъ и ресторанахъ, играютъ въ клубахъ и картежныхъ домахъ, веселятся только съ кокотками, а на журъфиксы являются, если ихъ притащутъ на арканѣ! Попробуй сдѣлать вечеръ? Отецъ ѣздитъ ко всѣмъ, кого только знаетъ и чуть не на колѣняхъ умоляетъ приѣхать потанцевать; одинъ изъ десяти явится—какъ на службу, потанцуетъ—если не уѣдетъ извинившись съ полвечера, поужинаетъ и былъ таковъ! Его цѣлый годъ и не увидишь! А на «огонекъ», какъ бываетъ у васъ— и не думай!

И вы намъ завидуете, тогда какъ мы здѣсь готовы бы драться изъ-за жениховъ если бы это вело къ чемунибудь! И я не обвиняю молодежь! Ей скучно съ нами, съ нашими чинными домами и нашими чинными родителями, и она совершенно права потому что дѣйствительно, и мы, петербургскія благовоспитанныя дѣвицы, и дома наши, и наши родители, и наши истертые разговоры нестерпимо скучны! Отъ этого у петербургскихъ дѣвицъ нѣтъ молодости, нѣтъ любви, и мы, выходя замужъ, не отдаемся любимому человѣку, а дѣлаемъ себѣ положеніе. Это имѣетъ впрочемъ свою хорошую сторону, потому что бракъ, какъ нынѣ уже дознано, не пріятное препровожденіе времени двухъ влюбленныхъ голубковъ, а устройство будущности, состоянія, положенія въ обществѣ; любовь же эпизодъ, который самъ по себѣ! Какъ ты насмѣшила меня, пышка, съ своей вѣрностью идеалу и преданіямъ! какой это идеалъ, которому ты клянешься въ вѣрности? какія преданія ты собираешься хранить? разъясни мнѣ пожалуйста, это очень интересно!

Я очень рада, дружокъ, что могу исполнить хоть на половину твое желаніе: отсюда назначенъ въ Москву молодой человѣкъ

очень милый и порядочный, Костенецкій. Онъ служитъ въ нашемъ министерствѣ и иногда бываетъ у насъ; я ему сказала, что у меня есть въ Москвѣ миленькая, тоскующая по идеалу кузина съ хлѣбосольными родителями, и обѣщала взять у мамы для него рекомендательное къ тетѣ письмо. Только предупреждаю тебя: очень можетъ быть, что ты Костенецкому всеружишь немного голову и онъ въ тебя влюбится, но онъ не женится на тебѣ—это вѣрно! Онъ человѣкъ благоразумный и женится только на дѣвушкѣ съ значительнымъ приданымъ, котораго у насъ съ тобою нѣтъ, а если и по склонности, то не ранѣе какъ получивши палату или мѣсто вице-директора, что можетъ быть не ближе семи-восьми лѣтъ! Итакъ, ты предупреждена!

Будь здорова и весела, малочка, и доставляй мнѣ удовольствіе твоей милой болтовней.

Твоя Додо.

Р. S. Да выставляй на письмѣ пожалуста свой адресъ, а то я все забываю ваши дикіе закоулки и всякій разъ должна спрашиваться у мамы, куда адресовать тебѣ.

III.

Отъ Зизи къ Додо.

Москва 20-го октября 187 г.*

Цалую тебя тысячу разъ душка и за твое письмо и за твою присылку. Третьяго дня, Костенецкій былъ у насъ. Онъ несо-всѣмъ отвѣчаетъ моему идеалу. Онъ сдержанъ, говоритъ все съ иронической улыбкой, такъ что не разберешь, подсмѣивается ли онъ или говоритъ искренно, но онъ очень милъ. Третьяго дня, мы его оставляли обѣдать, но онъ отказался, а вчера обѣдалъ и сегодня обѣщаль быть у насъ въ ложѣ, такъ какъ не успѣлъ достать билетъ на бенефисъ, и оттуда пріѣдетъ къ намъ пить чай. Вчера послѣ обѣда, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ (папа по обыкновенію ушелъ спать, а тата прилегла на кушетку «помечтать», какъ говоритъ—а попросту подремать, пока Константинъ Семенычъ ей читаетъ что нибудь), я спросила Костенецкаго, правда ли что онъ не влюбится, какъ ты пишешь, до тѣхъ поръ пока не получитъ палаты или вице-директорства: извини душка, что я выдала твое замѣчанье, немного измѣнивъ его—а онъ съ своей усмѣшкой отвѣчалъ:

— Ручаться нельзя, потому что любовь — болѣзнь (слышишь

душка, болѣзнь! вотъ какъ у васъ разсуждаютъ?), болѣзнь, отъ которой не всегда убережешься, но что онъ постарается!

— Но болѣзнь, говорятъ, пріятная! отвѣчала я:—зачѣмъ же такъ долго лишать себя ея удовольствія?

— Потому, говоритъ, что я имъ не могу воспользоваться, пока не буду имѣть прочнаго положенія (и онъ, какъ ты же, о положеніи все говоритъ).

— Ну, а если, говорю, любовь схватить всего да и завертеть, вотъ какъ у Тургенева въ одной повѣсти? сказала я.

— Что жъ, говоритъ, въ ненормальномъ состояніи разсудка мало ли что можно натворить, но это уже будетъ весьма печально!

— Такъ кузина Додо значить о васъ правду пишетъ? замѣтила я.

— М-ше Додо очень умная дѣвица, отвѣчалъ онъ:—и я ей очень благодаренъ за вниманіе. А что она вамъ сообщаетъ о себѣ?

— А развѣ есть что нибудь? спросила я.

Онъ сначала уклонялся отъ отвѣта, но потомъ на мои распросы, кто у васъ бываетъ? сообщилъ и про молодаго молчаливаго поклонника офицера, къ которому мы равнодушны и про богатаго барона, къ которому очень внимательны! А! такъ вотъ какъ, душка! Родственница, ровестница, жила двѣ недѣли вмѣстѣ въ деревнѣ не разставаясь ни минуты, я тебѣ всю подноготную свою исповѣдала, начиная съ первой любви, когда мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду, а ты мнѣ ни полслова о двухъ претендентахъ, которые были уже въ прошломъ году и состоятъ при тебѣ до сей минуты? Хорошо! Мило! Это по петербургски! Слушай, душка! Если ты мнѣ, сейчасъ, въ тотъ же день, какъ получишь это письмо—ну хоть черезъ день, такъ и быть,—не напишешь всего, всего, что и какъ и въ какомъ положеніи дѣло,—я тебѣ не другъ, я тебѣ не сестра и я къ тебѣ не пишу болѣе. Я такъ сержусь, что не могу продолжать письма и не хочу поцаловать тебя.

На тебя жестоко сердита.

Зизи.

Р. S. Засвидѣтельствуй многоуважаемой тетѣ Аннѣ Дмитріевнѣ и дядѣ Степану Петровичу мое глубочайшее почтеніе.

Да, забыла отвѣтить на твой вопросъ объ идеалахъ и преданіяхъ! Какъ это ты не знаешь, что это такое? или потому, что у васъ въ Петербургѣ въ нихъ не вѣрятъ? да, вѣдь вы всѣ въ Петербургѣ нигилисты и ничему не вѣрите! А у насъ въ Москвѣ принято, чтобы всякій благомыслящій человѣкъ хранилъ

идеаль и преданія: про насъ такъ и говорятъ, что мы ихъ хранители и конечно не я отступлю отъ нихъ! Идеаль это все прекрасное, все что нравится: неужто ты этого не знаешь? Собственно мой идеаль, скажу тебѣ по секрету, хорошенькій лейбъ-гусаръ съ маленькими черными усиками! Но и вполне приличный красивый штатскій камеръ-юнкеръ—тоже подходитъ. Ну, а преданіе, — все что принято въ порядочномъ обществѣ.

IV.

Отъ Додо къ Зизи.

С.-Петербургъ, 12-го ноября 187 г.

*На углу Имперманландской и Фридрихсгамской, № 3—14, домъ министерства ***, кварт. № 7.*

Я не ожидала, дружокъ Зизи, что Костенецкій такъ скоро омосквичится и будетъ тебѣ сплетничать обо мнѣ. Но чтобы показать тебѣ, что у меня секретовъ никакихъ нѣтъ, сообщу тебѣ все, что ты желаешь знать. Молодой человѣкъ, о которомъ ты спрашиваешь, прозывается Пенхерновичъ; онъ у насъ бываетъ давно, такъ давно, что я къ нему привыкла, служить въ гвардіи, дальній родня моего отца, очень недурень собой, но состоянія почти не имѣетъ; тебя можетъ удивить это въ гвардейскомъ офицерѣ, но теперь не прежнія времена и въ гвардіи, особенно пѣхотной, многіе живутъ однимъ жалованьемъ. Можетъ быть, благодаря отчасти этому обстоятельству, Пенхерновичъ мало пользуется другими развлеченіями, часто бываетъ по вечерамъ у насъ, и дѣлаетъ мнѣ честь своимъ вниманіемъ. Человѣкъ онъ милый и мнѣ нравится, но я рѣшительно не вижу причины раздѣлять его чувство и положеніе, и сдѣлаться m-me Пенхерновичъ. Онъ это очень хорошо понимаетъ, и потому нисколько меня не преслѣдуетъ, довольствуясь настоящимъ (все же пріятнѣе проводить вечера со мной, нежели въ казармахъ). Я тоже не вижу причины его отгалаивать—вотъ и все. Чтожъ было сообщать тебѣ?

Про барона Гуттеръ-Шрейберга могу сообщить еще менѣе. Онъ человѣкъ умный, ловкій, не хорошъ собой, но пріятный; ему уже лѣтъ сорокъ, онъ холостой, богатый—кажется, по крайней мѣрѣ, участвуетъ во многихъ большихъ предпріятіяхъ—онъ бываетъ у насъ, болѣе потому, полагаю, что ищетъ разрѣшенія или субсидіи въ какомъ-то дѣлѣ, которое зависить отъ нашего министерства, и въ департаментѣ отца. Со мной онъ очень любе-

зень, но не болѣе; конечно, и я съ своей стороны достаточно благовоспитана, чтобы не третировать такого человѣка, какъ молоденькаго мальчика — и только! Вотъ и весь секретъ! Что же я тебѣ могла рассказывать о баронѣ и Пенхерновичѣ, когда нечего и говорить? Вѣдь не могла же я тебѣ представить формуляра всѣхъ своихъ знакомыхъ, которые у насъ бывають? Но еслибы я это сдѣлала, то Костенецкій получилъ бы отмѣтку «длинноязыченъ». Передай ему это отъ меня!

Твои идеалы и преданія мнѣ очень понравились! оставайся же имъ вѣрна, моя пышка.

А что мы въ Петербургѣ ихъ утратили; это правда! И представь себѣ, что я нисколько и не жалѣю объ этомъ, хотя съ нигилистками ничего общаго не имѣю. Впрочемъ, и о нигилисткахъ ты имѣешь очень невѣрное понятіе! Эти особы вовсе не такъ смѣшны и наивны, какъ ты думаешь! Знаешь ли, что онѣ *живутъ*, душа моя, живутъ бѣдно, иногда по недѣлямъ не обѣдая, но все таки живутъ; чего мы съ тобой, и девять десятыхъ благовоспитанныхъ дѣвицъ про себя сказать не можемъ! А вотъ тебѣ образчикъ ихъ веселости. Брату Алешѣ даетъ уроки одинъ студентъ, кажется, впрочемъ, не университетскій — у насъ есть разные—малый добрый и обязательный, только имѣетъ непріятную привычку фыркать носомъ (платка что ли нѣтъ!). Какъ-то наканунѣ, когда онъ окончилъ уроки, я ему предложила напиться чаю, но онъ отказался.

— Куда-жъ вы торопитесь? спросила я.

— На вечеръ-съ.

— Какъ на вечеръ! танцевальный?

— Съ танцами-съ и угощеньемъ!

— Что-же это за вечеръ? у кого?

И онъ мнѣ разсказалъ, что это вечеръ въ пользу студентовъ какой-то губерніи, плата одинъ рубль. Угощение: чай и пиво. Соображаются какъ бы у пріятеля, но что нѣкоторые изъ богатыхъ лицъ были такъ добры, что взяли билеты. Что же вы намъ не предложили? спросила я. «Не смѣлъ-съ беспокоить». Видишь какая деликатность! Я сказала отцу и барону, они взяли пять билетовъ—студентъ былъ совершенно счастливъ. Я увидала, что у него, бѣднаго, нѣтъ и перчатокъ и насильно дала братнины. На другой день спрашиваю: ну, какъ? Предоволенъ.

— Было, говорить, превесело и тридцать семь рублей осталось въ пользу кассы!

— А вы танцовали?

— Танцевалъ-съ и вынимаетъ нетронутыя братнины перчатки и отдаетъ ему.

- Да развѣ вы не надѣвали ихъ?
 — Нѣтъ-съ, говорить, совѣстно было: потому всѣ безъ перчатокъ!
 — А дамъ много было?
 — Дастаточно-съ!
 — Кто же такія?
 — Все больше студентки-съ.
 — И хорошенькія.
 — И хорошенькія-съ.
 — Кто же именно?
 — Институтка, говорить, одна (повивальная, душка)!
 — А по фамиліи?
 — Не знаю-съ! говорить:—ее всѣ гражданкой называли—такъ ей прозванье.
 — Но какъ же вы ее ангажировали, когда не знаете фамиліи?
 — А такъ-съ и ангажировалъ: сказалъ ей «гражданка, позволь мнѣ быть твоимъ гражданиномъ».
 — Ну, и она?
 — Она, говорить, сначала меня дуракомъ назвала, потому не поняла, но я объяснилъ, что на кадрили и мы помирились!
 Вотъ, пышка, какъ живутъ тамъ! И все таки они живутъ, всегда находятъ себѣ дѣло, которому отдаются горячо, служатъ всѣми силами, не то что мы съ тобой! Однако я слишкомъ заболталась о другихъ, можетъ быть съ досады, что нечего рассказать про себя! Право, иногда такая злость беретъ, что готова бы остричь волосы и... но вотъ только страшно, что безъ носовыхъ платковъ и перчатокъ! Да и всѣ дѣла-то ихъ — увы! насколько меня не занимаютъ! А скверно, скучно! Ты не счастливей ли, пышка? Пиши

твоей Додо.

PS. А адресъ-то опять забыла? помѣщай его лучше вмѣсто поклоновъ отцу и мамѣ, которыя я, разумѣется, не справляю.

V.

Отъ Зизи къ Додо.

Москва 24 ноября 187 г.

Спасибо тебѣ, душка, за большое письмо и за описаніе вашихъ нигилистовъ, что очень забавно, но сами дѣйствующіи лица только подтверждаютъ отвращеніе, которое я къ нимъ

«имѣла! Все это грязно и главное безнравственно! И Богъ ихъ наказываетъ: посмотри, и твой фыркунъ добромъ не кончитъ. Но это дѣйствительно хорошо, что они заняты дѣломъ—хотя конечно дѣла ихъ тоже, должно быть, какіе нибудь простые, либо вредные. По этому случаю мнѣ самой пришло на умъ тоже, что надо-бы что нибудь дѣлать, и я придумала учиться латинскому языку, такъ какъ это было бы ново, современно, и *comme on dit*, въ охранительномъ духѣ. Но братъ Вася говоритъ, что это не женское дѣло.—«Что ты будешь читать, говоритъ—развѣ медицинскія книги? Я отвѣчала, что разумѣется не ихъ, а классическихкихъ поэтовъ. Но представь себѣ, душка, братъ Вася говоритъ, что классическихкихъ поэтовъ дѣвушка читать неприлично, потому что всѣ они—понимаешь—ужасно каскадны! Я и не знала, что каскадность тоже классична и охранительна! Однако, если бы я и рѣшилась учиться по латинѣ, то теперь мнѣ было бы некогда, со мной былъ преинтересный эпизодъ. Представь себѣ, душка, что вскорѣ послѣ моего письма, появился здѣсь въ Москвѣ откуда-то, кажется изъ Чугуева или Конотопа — гусарь Махрюковъ. Онъ далеко не подходитъ подъ мой идеалъ потому, во первыхъ, что не гвардейскій, во вторыхъ вмѣсто маленькихъ черныхъ усиковъ у него большіе висячіе и рыжіе и самъ онъ рыжеватый, лицомъ красенъ и некрасивъ; но имѣетъ что-то привлекательное этакое, ухорское, лихое, весь онъ «скоропалительный», какъ выразилась о немъ моя горничная. Не знаю, но видно они тамъ въ своемъ Чугуевѣ или Конотопѣ совсѣмъ дурѣютъ отъ скуки, потому что такіе Махрюковы показываются здѣсь часто. Махрюковъ ворвался, какъ буря! куда не выйдешь, всюду его встрѣтишь и всюду онъ торопится и суетится, точно ему некогда: увидалъ онъ меня въ театрѣ, посмотрѣлъ въ лорнетку, тотчасъ нашелъ знакомаго, который его намъ представилъ, на другой день былъ уже у насъ—и повадился ежедневно! Очевидно, что *je lui donnais dans l'oeil*; извини, не знаю какъ перевести: порусски это совсѣмъ нето выходить да и вообще, душка, я бы охотно писала тебѣ по французски, но ты говоришь, что это выводится изъ употребленія. Махрюковъ говорливъ, весьма шумливъ и вообще это было очень забавно, но, представь себѣ, душка, не болѣе какъ черезъ пять дней знакомства, послѣ обѣда, когда папа ушелъ спать, а мама мечтала на кушеткѣ подъ чтеніе Константина Семеновича, Махрюковъ бацъ!—проситъ моей руки! да такъ прямо и пристаётъ, чтобы сейчасъ же ему и отвѣтъ дала! Подлинно ужъ скоропалительный! однако-же и, разумѣется, отвѣчала, что мнѣ надо подумать, и поправдѣ ска-

затѣ въ самомъ дѣлѣ немножко подумывала, потому что онъ мнѣ нравился. Есть знаешь въ немъ что-то русское, увлекающее, а я сама, какъ ты знаешь, вся русская душой и тѣломъ и тоже не много скоропалительная! Однако тамап мнѣ не хотѣлось еще говорить—это слишкомъ ужъ серьезно, а рѣшилась прежде посоветоваться съ Костенецкимъ. Ты не смѣйся, душка, и не удивляйся! И никакой тутъ задней мысли не было! а просто мы съ Костенецкимъ очень хороши, и я вижу въ немъ какъ бы друга. Я ему сказала, что, конечно, Махрюковъ вовсе не такой женихъ, какъ бы я желала, что онъ далеко не мой идеалъ, но что онъ, кажется, человѣкъ добрый, любитъ меня и потому «вѣдь надо же кончить, потому что у меня сестра Варя будетъ выѣзжать нынѣшнюю зиму». Костенецкій все это понялъ, выслушалъ. А когда, говорить, онъ просилъ отвѣта? я говорю, что онъ умолялъ, что бы не откладывать дальше завтра.

— Что жъ, говорить, до завтра еще долго! Подумайте, а тамъ, коль не рѣшитесь сами, то посоветуетесь съ тамап... А я что-же могу тутъ посоветовать?

Я признаюсь не того ожидала отъ Костенецкаго! Я думала, что онъ приметъ болѣе горячее участіе—хотя вы петербургскіе всѣ эгоисты, — что онъ мнѣ скажетъ какое нибудь теплое слово, но ошиблась и поблагодарила его такъ холодно и церемонно, что онъ, конечно, это замѣтилъ, хотя сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ и преспокойно уѣхалъ. Я была очень взволнована и разсержена, но рѣшилась ждать. На другой день пріѣзжаетъ Костенецкій какъ ни въ чемъ небывало, только блѣдный и точно не совсѣмъ здоровый, и я все таки рѣшилась ему отомстить, подавая надежду Махрюкову. Только Махрюковъ не былъ! Это меня удивило. На другой день опять нѣтъ, на третій тоже! спрашиваю про него Костенецкаго—говорить: «не знаю»! а у самого глаза смѣются! пристаю къ нему, и что же узнаю? представь себѣ, что въ тотъ вечеръ, какъ я сказала все Костенецкому, онъ пригласилъ брата Васю къ Махрюкову, увезли его къ цыганамъ прокутили у нихъ цѣлую ночь и бросили Махрюкова у цыганъ, гдѣ онъ такъ и хизнулъ! Говорятъ, онъ тамъ кутилъ цѣлую недѣлю и зная, что мнѣ черезъ Васю все стало извѣстно, болѣе къ намъ не является! Впрочемъ, Вася слышалъ, что Махрюковъ хотѣлъ увезти цыганку, а теперь сватается уже за какую-то купчиху! Вотъ тебѣ и романъ мой! Все это не лестно, но было забавно и развлекло меня! Но каковъ Костенецкій? И какъ ловко онъ все это обдѣлалъ! Это меня примирило съ нимъ. Онъ мнѣ признался, что обязанъ находчивостью случайнымъ за-

мѣчаніемъ С*** извѣстнаго здѣсь старожила и остряка англійскаго клуба, который сказалъ ему, что этакіе типы провинціальныхъ кутилъ, врывающихся какъ бомба, и одержимыхъ бѣшенствомъ женитьбы, здѣсь появляются часто (до Петербурга они не доѣзжаютъ—да тамъ имъ нечего и дѣлать), но что они только до цыганъ, а какъ ихъ увидали, такъ и увязнуть—какъ муха въ меду!

Я передала Костенецкому твои замѣчанія. Онъ говоритъ, что здѣсь воздухъ такой, но чтобы ты на него не сердилась, то просилъ передать тебѣ, что твой баронъ получаетъ какую-то помощь отсюда и что дѣло, о которомъ онъ хлопочетъ, скоро будетъ имъ выиграно.

Я ему замѣтила, что, вѣроятно, ты къ этому равнодушна; но онъ отвѣчалъ, что напротивъ!—а почему не объяснилъ. А! такъ мы вѣроятно такъ близко принимаемъ къ сердцу дѣла барона, что радуемся его радости? Ну чтожь, обрадуй его! Но я не хочу думать, чтобы ты была такая эгоистка и такъ расчетлива, что ждешь выигрыша его дѣла для того, чтобы согласиться осчастливить его своей рукой? Впрочемъ отъ васъ петербургскихъ это станется! И если это такъ, душка, то препятствій скоро не будетъ и я напередъ поздравляю тебя! Впрочемъ, у насъ въ дому появился то же Баронъ въ своемъ родѣ, какой-то богачъ и предприниматель Халкаладзеъ. Онъ познакомился съ папа въ клубѣ и вчера обѣдалъ у насъ. Въ дѣйствительности, онъ даже и не князь, хотя всѣ мало мальски сносные восточные люди—всегда князья, но говорятъ древняго—не знаю грузинскаго, или армянскаго рода! Да это сейчасъ и видно: у него волоса не растутъ только на бѣлѣхъ глазъ, лицо синее какъ англійская синька отъ выбритой бороды и огромный носъ съ волосами на кончикѣ! Вотъ, душка, видишь, сколько новостей! И мы здѣсь живемъ, хотя не принадлежимъ къ твоимъ излюбленнымъ нигилистамъ!

Вся твоя Зизи.

Р. S. Хотя ты не вспоминаешь мою маму и папа, и не справляешь мои поклоны, но исполняя свой родственный долгъ, я все таки прошу тебѣ засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе любезнѣйшей тетускѣ Аннѣ Дмитріевнѣ и уважаемому дядюшкѣ Степану Петровичу. А когда меня мама спрашиваетъ «что ты пишешь»—то я всегда говорю ей, что ты просишь засвидѣтельствовать ей низжайшій поклонъ. Не хорошо, душка, не уважать семейнаго начала. Ахъ кстати вспомнила объ адресѣ! Вотъ онъ:

На Плющихъ, у Тараса въ Борашихъ, въ собственномъ домѣ.

VI.

Отъ Додо къ Зизи.

*Петербургъ 18-го декабря 187**На углу Ингерманландской и Фридрихсгамской № 3—14, Домъ министерства *** кварт. № 7.*

Ты счастливѣе меня, милая пышка! ты живешь, у тебя появляются метеоры въ родѣ Махрюкова и заросшіе волосомъ восточные люди! У насъ все гладко, выбрито, чинно и нестерпимо скучно! Я не знаю, почему Костенецкій вообразилъ, что меня интересуетъ окончаніе дѣла барона? вѣдь я не въ долѣ у него и выиграетъ ли онъ или проиграетъ его — мнѣ совершенно безразлично! Твоя догадка тоже далеко не попадаетъ въ цѣль; я о баронѣ думаю также мало, какъ и онъ обо мнѣ! Да и на что мы имъ, чинныя и скучныя барышни, когда ихъ каждый вечеръ потѣшаютъ десятки Альфонсинъ и Филиппо, которые для ихъ удовольствія вывихиваютъ себѣ крестецъ, чтобы выразительнѣе отѣннить движеніями смыслъ своей пѣсенки? Не смѣйся, душка! Это было дѣйствительно: отцу сказывалъ объ этомъ Иванъ Ивановичъ. Даже какой-то добродѣтельный мировой судья попробовалъ оскорбиться этими движеніями и призвалъ одну такую пѣвицу къ отвѣту! Я увѣренъ, что у этого высокоправственного судьи, по крайней мѣрѣ, четыре взрослые дочери!! И представь себѣ—его же здѣсь бранять: зачѣмъ же, говорятъ, онъ туда ходитъ, гдѣ это завѣдомо выдѣлываютъ? О безтолковые! Они не могутъ понять на что можетъ рѣшиться человѣкъ, ежедневно осужденный видѣть передъ собой четырехъ скучающихъ, обозлившихся, старѣющихъ дѣвъ, которыхъ никто не хочетъ взять на свою шею! О бѣдный мировой страдалецъ! какъ мнѣ жаль его!

А вѣдь ты правду напророчила: бѣдный фыреунъ — уѣхалъ! Иванъ Ивановичъ говоритъ, что нынѣ мальчишки занимаются политикой, потому что ею не занимаются взрослые! А я такъ думаю, отъ скуки!

Да! я тебѣ упоминаю про Ивана Ивановича, а ты не знаешь, кто онъ. Это тоже своего рода Константинъ Семенычъ нашего дома, только наоборотъ съ отцовской стороны: онъ старый пріятель отца, а мама не очень жалуетъ его. По крайней мѣрѣ спасибо ему — въ немъ нѣтъ сладости вашего друга дома! Онъ напротивъ всегда напоминаетъ нашу петербургскую осень: хмуро, кисло и пронзительно!

Въ благодарность Костенецкому за его сообщеніе, скажи ему, что онъ къ новому году будетъ камеръ-юнкеромъ. Слышишь,

пышка? Вѣдь это твой идеаль номеръ второй? старайся же, старайся, душа моя! — Хотя думаю, что надежда плоха: онъ тоже принадлежитъ къ той породѣ дичи, которую предлагаютъ только тогда, когда она начинаетъ портиться.

Твоя Додо.

VII.

Отъ Зизи къ Додо.

Москва 10-го января 187

Додо! душа Додо! я въ отчаяніи! меня сватаютъ, — меня хотятъ отдать за человѣка ненавистнаго! Этотъ ненавистный армяшка съ волосами на кончикѣ носа Халкаладзеъ — просить руки моей и не у меня — а прямо обратился къ родителямъ! И знаешь, что онъ сказалъ маманъ? «Ваша дочь, говоритъ, будетъ такая же пышная женщина, какъ и вы — а я ужасно люблю пышныхъ женщинъ!» И вообрази, это маманъ очень понравилось! О отвратительный! и подумать, что этого противнаго... нѣтъ! не хочу и думать! Это не возможно! Я не переживу этого! А между тѣмъ и папа и маманъ за него! Говорятъ: «онъ богатъ, онъ будетъ тебя лелѣять!» Да что мнѣ въ его лелѣяніи, если я должна его купить — ахъ и говорить страшно чѣмъ! — И подумай, душа, что я одна, совершенно одна противъ всѣхъ! И противный Константинъ Семенычъ то же вторитъ маманъ, хотя нѣсколько иначе, и все афоризмами въ родѣ «стерпится слюбится» или «маленькія непріятности могутъ быть вознаграждены большими удовольствіями! А что всего хуже — что Костенецкій, мой добрый другъ Костенецкій, уѣхалъ къ вамъ въ Петербургъ, въ отпускъ на праздники! Ангелъ мой! постарайся увидать его немедленно! Напиши къ нему, пошли за нимъ, скажи ему, въ какомъ я положеніи! Скажи ему, чтобы онъ помогъ мнѣ, что на одного его я надѣюсь! Чтобы онъ поспѣшилъ сюда, что я, какъ ангела доброго, жду его!... Додо, милая, посылай его, уговори его, стряхни съ него вашъ противный петербургскій эгоизмъ, который онъ было началъ терять здѣсь. Да, милая Додо, онъ началъ терять его, и я надѣюсь, что онъ не окажется такимъ безсердечнымъ, какъ ты о немъ думаешь! Буду считать не дни, но часы, минуты до твоего отвѣта или его пріѣзда! А пока борюсь, откладываю, защищаюсь!

Твоя на вѣкъ Зизи.

Милой тетѣ и дядѣ низайшій поклонъ; не говори имъ ничего о сватовствѣ.

VIII.

Отъ Додо къ Зизи.

*Петербургъ 18-го января 187**На углу Ингерманландской и Фридрихсгамской № 3—14, домъ министерства *** кварт. № 7.*

Бѣдная Зизи! я получила твое письмо и хотя у насъ самый разгаръ сезона и минуты не остаешься въ покоѣ — веселиться не веселимся, а все выѣзжаемъ, принимаемъ, — хотя Костенецкій, пріѣхавъ ненадолго, носится какъ вѣтеръ съ своимъ новымъ камеръ-юнкерствомъ и поймать его труднѣе вѣтра, но я улучила таки минуту, чтобы сказать ему о тебѣ и твоемъ положеніи. Дѣло было на одномъ балѣ; онъ пригласилъ меня вальсировать: я ему сказала во время тура «мнѣ нужно переговорить съ вами: я вамъ оставила четвертую кадрили». — Если долго, то не дадите ли мазурку? отвѣчалъ онъ.

Но мазурка у меня была отдана и я должна была ограничиться кадрилию. Но не ропщи на меня, бѣдная Зизи! И кадрили было слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, что Костенецкій остался такимъ, какъ я тебѣ его описывала, и что на него рассчитывать нечего! Вотъ нашъ разговоръ.

— Я вамъ хочу говорить не о себѣ, сказала я. — Я получила письмо отъ Зизи: вотъ въ какомъ она положеніи. И я передала ему слова твои; онъ и бровью не моргнулъ!

— Этого надо было ожидать, сказалъ онъ: — господинъ Халкаладзе въ такъ откровенно и умильно глядѣлъ на m-lle Зизи своими свободными отъ волосъ глазами, что не трудно было угадать, чѣмъ это кончиться: я это предвидѣлъ еще до отъѣзда!

— И что же вы намѣрены дѣлать? спросила я.

При этихъ словахъ, Костенецкій — и кажется весьма искренно — сдѣлалъ глаза больше, чѣмъ желала бы имѣть ихъ актриса Лотаръ, когда подкрашиваетъ свои.

— Я? говорить — да я-то тутъ при чемъ?

— Какъ при чемъ, безчувственный вы человѣкъ! воскликнула я. — Да Зизи считаетъ васъ своимъ другомъ! она отъ васъ однихъ ждетъ помощи, совѣта, она самихъ васъ ждетъ какъ Мессію, а вы говорите «при чемъ я тутъ»?

— И все таки я повторяю, что я тутъ ровно ни при чемъ, отвѣчалъ Костенецкій съ наивностью ягненка. Если мнѣ легко удалось избавить m-lle Зизи отъ сумасшедшаго Махрюкова, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы я взвалилъ себѣ на шею этого армянскаго быка Халкаладзева и вообще принялъ на се-

«бя обязательство избавлять m-lle Зизи отъ всѣхъ жениховъ, которые ей не понравятся!

— Но слушайте, Костенецкій! сказала я:—отбросимъ увертки и недомолвки и будемъ говорить прямо! Если Зизи проситъ меня обратиться къ вамъ съ просьбой и за совѣтомъ, въ родѣ настоящихъ, значитъ ваши отношенія гораздо ближе, нежели вы мнѣ хотите показать; значитъ, вы дали поводъ Зизи обратиться къ вамъ подобнымъ образомъ.

— Извольте, и я буду говорить прямо! отвѣчалъ Костенецкій. —М-lle Зизи дѣвица очень милая и добродушная; но у нее, какъ у всѣхъ московскихъ и провинціальныхъ барышень (не обижайся, душка, онъ такъ и поставилъ Москву съ провинціею рядомъ) есть одинъ недостатокъ или пожалуй качество: всѣ онѣ, какъ бы вамъ сказать, ужасно расплывчаты! У нихъ огромный избытокъ сердечности и задушевности, онѣ имъ больны и не знаютъ куда помѣстить его! Это свойство вообще очень пріятно въ знакомствѣ, но только вовсе не съ тѣми послѣдствіями, которыя отсюда выводятъ московскія барышни. Онѣ все преувеличиваютъ и судятъ обо всѣхъ по себѣ, и отъ этого на всякомъ ничтожномъ, сказанномъ безъ особаго значенія словѣ готовы выстроить каменный домъ! Мы вотъ съ вами теперь говоримъ и прежде говорили прямо и откровенно, какъ два добрыхъ знакомыхъ, и изъ этого никакихъ особенныхъ послѣдствій не будетъ и ни вы, ни я никакихъ заключеній не выведемъ и обязательствъ не примемъ. А поговори такъ съ московскими барышнями—онѣ же ужасно падки на сближенія и короткость,—онѣ сейчасъ вообразятъ себѣ Богъ знаетъ что! Что вы имъ другъ на жизнь и смерть, что вы готовы для нихъ идти въ огонь и воду—и даже болѣе того, подъ вѣнецъ! Ваша кузина отчасти раздѣляетъ подобный взглядъ. Повѣрьте, кромѣ добраго расположенія и благодарности за ихъ радушіе, я ни начто болѣе не давалъ повода ей рассчитывать! Съ моей стороны я и теперь съ удовольствіемъ готовъ помочь ей совѣтами, оказать посильную услугу! Но избавлять отъ жениховъ собственной особой—слуга покорный!

— Ну такъ что же вы ей посоветуете? спросила я.

— А выходить за этого восточнаго человѣка замужъ—если онъ дѣйствительно такъ богатъ, какъ говорятъ!

— Серьезно? спросила я.

— Не шутя!

Тутъ бадриль кончилась, и онъ отеланялся.—А когда жъ вы въ Москву? спросила я.

— Довольно скоро! Впрочемъ, я долженъ еще отбыть мое дежурство во дворцѣ! отвѣчалъ онъ съ скромною гордостью.

И вотъ тебѣ результатъ моихъ переговоровъ! Ты видишь, что

ное стараніе было, и если послѣдствія тебя не удовлетворяютъ я не виновата. Я нарочно не смягчила ничего въ нашемъ разговорѣ: теперь ты можешь судить сама, что имѣешь право ожидать отъ Костенецкаго!

А затѣмъ, душа моя, если ты позволишь, вотъ тебѣ и мой совѣтъ. Если ты увидишь, что кромѣ богатства изъ твоего Халкалидзева выйдетъ не совсѣмъ дурной мужъ, то есть мужъ, съ которымъ можно будетъ ладить, — то не пренебрегай имъ! нынѣ женихи, особенно богатые женихи, рѣдкость, и если твой Халкалидзевъ не совсѣмъ красиво выглядитъ, то это еще не бѣда! Намъ вѣдь за двадцать, душа моя! Пора перестать сантиментальничать и стать на почву дѣйствительности и существенныхъ интересовъ! Есть для дѣвушки нѣчто несравненно худшее, чѣмъ имѣть дурного мужа: это не имѣть никакого! И такъ подумай, душа моя, серьезно прежде, нежели рѣшишься на отказъ. Это искренній совѣтъ тебѣ искренно любящей

Додо.

IX.

Отъ Зизи къ Додо.

*Москва 3-го февраля 187***.*

Милая Додо! Хотя ты и повѣрила Костенецкому, что мы, московскія провинціалки (такъ, кажется, онъ выразился?) все преувеличиваемъ, но и вы, жительницы Петровской столицы, тоже способны изъ мухи дѣлать слона! Я сужу объ этомъ по тому шуму, который ты подняла изъ за моего послѣдняго письма. Разумѣется, я въ немъ жаловалась на судьбу, и просила совѣта; но какъ же ты, душа моя, не поняла, что всякая истинно-русская и знающія приличія дѣвушка, всегда, когда ее просватываютъ, считаетъ обязанностью жаловаться на судьбу и на родителей, говорить, что ее насильно отдають за немилаго, хотя бы она цѣлый годъ передъ тѣмъ выбѣгала къ этому немилому ежедневно босикомъ на зады? Объ этомъ ты можешь спросить свою горничную, если она русская деревенская горничная, а не чухонка! Это такъ уже принято: это наше родное преданіе, и я, вѣрная охранительнымъ началамъ, считала обязанностью соблюсти его. Въ самомъ дѣлѣ, не выказывать же намъ радость, не оповѣщать всѣхъ подругъ, что Господь намъ посылаетъ жениха, и за насъ хотятъ свататься? Хотя у насъ здѣсь нѣтъ, какъ въ Петербургѣ цѣлыхъ полковъ и нѣсколькихъ министерствъ молодежи, но слава Богу женихи у насъ вовсе не такая рѣдкость, чтобы ими такъ дорожить, какъ ты совѣтуешь, и бросаться на перваго встрѣчнаго! Но я вовсе не сержусь и охотно тебя изви-

няю, моя милая, потому что у васъ въ Петербургѣ совсѣмъ иначе смотрятъ на вещи и не знаютъ родныхъ преданій! Теперь могу сказать тебѣ, душа моя, нашу семейную радость: я дала свое согласіе Арчилу Давыдовичу Халкаладзеу (а не Халкалидзеу или Шалкаладзеу, какъ ты величаешь его, надѣюсь безъ умысла: фамилія Халкаладзевыхъ достаточно древняя и извѣстная, что бы ее помнить и не искажать!). Сдѣлала я это, конечно, не въ слѣдствіе совѣтовъ твоихъ или Костенецкаго, который на дняхъ возвратился сюда, и не потому, что мой женихъ богатъ: мы не такія матеріалистки, какъ вы, и не стоимъ, какъ ты выражаешься, на почвѣ существенныхъ интересовъ; но мы въ нашемъ семействѣ, и могу сказать въ нашемъ московскомъ обществѣ, такъ привыкли уважать волю родителей, которые никогда не пожелаютъ ничего дурного своимъ дѣтямъ, что мнѣ одного ихъ желанія и даже намека достаточно было бы, чтобы слѣпо отдать свою руку тому, на кого они убавутъ! Въ настоящемъ же случаѣ мнѣ было тѣмъ легче повиноваться имъ, что ихъ выборъ согласовался съ требованіями, которыя могла бы дѣлать самая разборчивая невѣста. Въ самомъ дѣлѣ, Арчилъ Давыдовичъ соединяетъ въ себѣ все: древній родъ и тѣ высокія правила, которыя составляютъ его неразлучную принадлежность, богатство и выразительную наружность; а если и вышелъ изъ первой молодости, то тѣмъ лучше: это предохраняетъ отъ увлеченій и даетъ ему опытность, чтобы руководить молоденькую жецу на первыхъ шагахъ ея новой жизни. Надѣюсь, милая, что ты раздѣлишь мою радость! Женихъ мнѣ подарилъ прелестную діадему изъ аметистовъ: она разбирается и изъ нея дѣлается кольцо, браслетъ и серги. Костенецкій здѣсь и дѣлаетъ видъ, что одобряетъ мой выборъ, а что у него на душѣ — не знаю, потому что, ты понимаешь, я теперь не въ такомъ положеніи, что бы позволять себѣ заглядывать въ душу холостого мушкетера! Что же касается до вашего бального разговора, то онъ мнѣ совершенно вѣрно объяснилъ все.

— Вы очень хорошо понимаете, m-lle Зизи, сказалъ онъ: — какой вѣсѣ имѣютъ разговоры на балу во время кадрили (въ самомъ дѣлѣ, душа моя какая же ты наивная: нашла гдѣ объясняться съ нимъ!) Разумѣется, кавалеръ, говоритъ онъ, желаетъ всегда и обязанъ сказать что нибудь пріятное своей дамѣ, но вы, можете быть, не знаете, что нѣтъ ничего пріятнѣе для петербургской дѣвицы, какъ слышать какъ злословить ея лучшихъ подругъ!

Надѣюсь, милая, что ты раздѣлишь мою радость, тѣмъ болѣе, что и тебѣ самой будетъ пріятно имѣть въ своей роднѣ вузину, въ томъ положеніи и съ тѣми средствами, которыя мнѣ доста-

вить мое замужество. Будь увѣрена, что эта переменѣна не повліяетъ на мои чувства къ тебѣ.

Обнимаю тебя.

твоя Зизи.

Р. S. Многоуважаемой тетушкѣ Аннѣ Димитріевнѣ и дядюшкѣ Степану Петровичу засвидѣтельствуй мой нижайшій поклонъ и сообщи имъ нашу радость, о которой папаша и папа сообщать имъ на дняхъ сами. Можешь ихъ увѣрить, что я воспитана въ такомъ уваженіи къ семейному началу, что никакая счастливая переменѣна въ судьбѣ не можетъ повліять на тѣ родственныя чувства, которыя я обязана къ нимъ питать!

Х.

Отъ Додо къ Зизи.

*Петербургъ 10-го февраля 187****

*На углу Ингерманландской и Фридрихсгамской № 3—14, домъ министерства *** кварт. № 7.*

Я не знала, милая Зизи, что можно съ такимъ искусствомъ разыгрывать роль, хотя бы завѣщанную преданіемъ, какъ это сдѣлала ты въ предпоследнемъ письмѣ твоёмъ, и каюсь, что имѣла глупость совершенно повѣрить тебѣ. Я не имѣю привычки обращаться за какими либо свѣденіями къ моей горничной, хотя вполне вѣрю тебѣ, что она можетъ быть совершенно компетентнымъ судьей въ тѣхъ обычаяхъ, которыми ты слѣдуешь. Какъ бы то ни было, я радуюсь твоей радости и поздравляю тебя съ женихомъ, который, какъ ты пишешь, соединяетъ съ себѣ всѣ достоинства, вполне удовлетворяетъ твоимъ требованіямъ и вѣроятно идеалу.—Жаль только, что ты не говоришь которому именно: похожъ ли онъ на номеръ первый: лейбъ-гусара съ черными усами или на номеръ второй—красиваго камеръ-юнкера? Вѣдь ты не измѣнила этимъ идеаламъ, надѣюсь? Радость моя была бы еще полнѣе, когда бы меня не смущала мысль, что если преданія заставляютъ дѣвушку жалобиться и быть (вѣдь невѣсты, кажется, воютъ, душа моя?) даже выходя замужъ за того милаго, къ которому онѣ цѣлый годъ бѣгаютъ босикомъ на задъ для свиданья, то, можетъ быть, эта же вѣрность преданіямъ и уваженіе къ родительскому выбору требуютъ, чтобы, когда вопросъ уже окончательно рѣшенъ, благовоспитанная невѣста была обязана восхищаться своимъ суженымъ и считать его верхомъ совершенства, хотя бы этотъ суженый былъ ненавистнѣйшимъ уродомъ. Эта мысль пришла мнѣ въ голову при чтеніи твоего послѣдняго письма, и, признаюсь, отравляетъ значительно мою радость! Я не знаю теперь, когда ты лгала (конечно, по совершен-

но почтеннымъ и уважительнымъ причинамъ, душа моя), тогда ли когда ты писала, что г-нъ Халкаладзевъ противнѣйшій армяшка, ласки котораго ты не переживешь, или когда увѣряла, что это женихъ, удовлетворяющій всѣмъ твоимъ мечтамъ и идеаламъ? Сознаюсь, душа моя, что мы здѣсь рѣшительные невѣжды въ разборѣ и пониманіи такихъ тонкихъ вещей: у насъ принято, особенно между такими близкими и искренне-дружными родственницами, прямо говорить что нравится и что не нравится, и хоть я по любви къ тебѣ и желаю вѣрить, что ты была искренна въ твоемъ послѣднемъ письмѣ, но была бы покойнѣе, если бы ты, снисходя къ моему невѣжеству, прямо сказала, что за чело-вѣкъ твой Арчилъ Давыдычъ и нравится онъ тебѣ или ты его принимаешь какъ северное лекарство?

Если я плохо знаю ваши обычаи, то и ты, душа моя, по правдѣ сказать, не знаешь нашихъ! Такъ, ты полагаешь, что мнѣ должно быть очень пріятно считать въ своемъ родствѣ бузину въ твоемъ будущемъ положеніи. Я тебѣ должна сказать, что здѣсь, родство съ восточными людьми, кромѣ нѣсколькихъ дѣйствительно древнихъ и владѣтельныхъ фамилій, не только не считается завиднымъ, но обыкновенно, если имѣютъ несчастье вступить въ него то это стараются скрыть какъ нѣчто неприличное! Впрочемъ, ты можешь быть увѣрена, что къ тебѣ я не измѣнюсь, потому что стою выше этихъ предразсудковъ. Еще, душа моя, должна предупредить тебя, что хотя всѣ эти восточные люди и ведутъ обыкновенно свою родословную отъ царя Давида, но часто это оказывается совершенной ложью: такъ недавно былъ здѣсь одинъ выходецъ съ востока, который назывался княземъ Гакчайскимъ, а оказалось, что это мѣщанинъ изъ какой-то Шуши! Но надѣюсь твой папа это разслѣдовалъ и г-нъ Халкаладзевъ не окажется мѣщаниномъ.

Удивляюсь, сколько вы обязанностей принимаете на себя совершенно здѣсь неизвѣстныхъ? и откуда вы ихъ берете? Такъ, кромѣ идеала и преданій, съ которыми ты носишься, ты еще выкопала какія-то охранительныя начала! Что охраняете вы и отъ кого? никто у васъ и не думаетъ ничего отнимать, а то, чѣмъ вы владѣете, право, не такъ привлекательно, чтобы ему завидовать и ты за своего Арчила Давидовича можешь быть покойна: никто у тебя его не отниметъ!

Про себя скажу тебѣ, душа моя, что я тѣмъ менѣе завидую твоему замужеству, что любовь и двухъ-лѣтнее постольничество Александра Адольфовича Пенхерновича, про котораго ты слышала — тронули меня и я ему отдаю свою руку. Онъ ничего не имѣетъ, но молодъ, способенъ и мы съ нимъ, надѣюсь, не пропадемъ. Да и гораздо пріятнѣе быть обязанными своимъ положеніемъ самимъ

себѣ, нежели получить его готовое, и добытое Богъ вѣсть какими средствами! Александръ выйдетъ тотчасъ послѣ свадьбы въ отставку и ему уже обѣщано мѣсто директора въ одной компаніи съ 5 тысячами жалованья, а имѣется въ виду и другое: на первый случай этого довольно! Посылаю тебѣ его фотографическую карточку и прошу полюбить новаго родственника. Не знаю, съ чего ты взяла, что баронъ отъ насъ убѣждалъ? напротивъ, онъ бываетъ попрежнему и принимаетъ живое участіе въ карьерѣ Александра: онъ даже у него будетъ посаженнымъ отцомъ. А затѣмъ, душка, желаю тебѣ полного счастья, и, такъ какъ идеаль уже найденъ, то вѣрности преданьямъ.

Твоя преданная Додо.

Р. S. Кланяйся Костенецкому и сообщи ему про мой выборъ. Очень рада, что вы съ нимъ опять друзья, и желаю, чтобы ты въ немъ нашла такую же вѣрность и постоянство, которыя твоѣ татап имѣетъ въ Константинѣ Семенычѣ.

XI.

Отъ Зизи къ Додо.

Москва 12-го февраля 187 года.

Истинно родственное письмо ваше, любезная кузина, я вчера получила и спѣшу отвѣчать на него. Я очень хорошо поняла всѣ ваши намеки и то чувство, которое вдохновляло васъ! Костенецкій совершенно правъ! Онъ говоритъ, что если петербургская дѣвица принимается явить свою пріятельницу, то трепещетъ только одного, чтобы не оставить въ ней какъ нибудь живого мѣста безъ уязвленія! Я вижу, что вы очень трепетали; но могу васъ увѣрить, что уколы ваши не попали въ цѣль и всѣ мои живыя мѣста не тронуты! Ваши же безсильныя шпильки возвращаю вамъ въ цѣлости обратно; можете нашивать ихъ себѣ на свадебное платье! Мы здѣсь, по вашему мнѣнію, не такъ благовоспитаны, мы можемъ иногда разсердиться и назвать кого либо рѣзкимъ словомъ, но не въ состояніи злиться и подбирать колочки на четырехъ страницахъ; пусть это качество при васъ и остается! Возвращаю вамъ также почву существенныхъ интересовъ, на которой вы утвердились — карточку вашего будущаго супруга. Вы, можетъ быть, найдете не приличнымъ, что я въ порывѣ перваго чувства выколола глаза, но я не могу равнодушно видѣть пошлаго лица, особенно съ какимъ-то лакейскимъ выраженіемъ, какъ у вашего г-на Перехновича. Впрочемъ, послѣднее вполне объясняетъ мнѣ его двухгодичное постоянство! Очень рада, что вы нашли достойнаго супруга! Костенецкій мнѣ объяснилъ, что между вами и вашимъ барономъ былъ родъ скачки:

вы ли успѣете его опутать и истощить его терпѣніе, прежде нежели онъ выиграетъ зависящее во многомъ отъ вашего папа дѣло, или онъ успѣетъ выиграть дѣло, не обязавшись передъ вами ничѣмъ. Вы проиграли! Понятно тогда, что вамъ, при той скудости жениховъ, на которую вы такъ часто жалуетесь, оставался одинъ вашъ вѣрный Пенхеровичъ, который искалъ черезъ васъ и вашего папа выйти въ люди и пріобрѣсти мѣстечко! То, что вамъ не удалось съ барономъ, ему удалось съ вами! И онъ не ошибся! Вы, особенно съ помощью барона, конечно, выведете въ люди своего мужа! Петербургскія дамы, говорятъ, изучили это искусство въ совершенствѣ.

Что касается вашего невѣжества въ понятіяхъ объ идеалѣ, преданіяхъ и охранительности, то я въ немъ не виновата и не берусь васъ учить. Это невѣжество происходитъ отъ того, что вы воспитываетесь и живете въ узкихъ и эгоистичныхъ понятіяхъ, и думаете только о себѣ, а мы думаемъ о прочности отечественныхъ основъ и сохраненіи традицій! Но желая вамъ добра, совѣтую не судить о вещахъ выше вашего пониманія. Вы думали посмѣяться надо мной, а напротивъ, я ужасно смѣялась, видя, что вы разумѣете подъ вѣрностью преданіямъ! Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы иногда не оступиться или не сдѣлать невольнаго уклоненія: всѣ люди грѣшны какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, и предки наши были не святѣе насъ! Но дѣло въ томъ, чтобы и въ самыхъ уклоненіяхъ держаться преданія и скрывать эти уклоненія подъ обычаемъ приличія!

Вы, напримѣръ, думаете, что жена, полюбившая другого, обязана сказать объ этомъ мужу? а мы думаемъ такъ, какъ думали и наши предки, что она сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ величайшую глупость, ибо дѣлу не поможетъ, а между тѣмъ нарушитъ безпужды спокойствіе мужа и уваженіе къ семейному очагу! Очень понятно также, если имѣя пожилаго мужа, молодая жена находитъ удовольствіе въ дружбѣ какого нибудь сверстника, но имѣя молодого мужа, заводить дружбу со старыми богачами—хотя бы они были и бароны—это и наши предки и мы считаемъ безнравственнымъ! Забавно также, что вы считаете вѣрностью идеаломъ! какъ будто необходимо идеалъ держать дома, да еще быть съ нимъ обвѣнчаннымъ? Да вѣдь идеаломъ можетъ быть *разное*, а не только мужчина! Вы и этого не понимаете; уморительно!

Не стану я вамъ объяснять, что такое и охранительныя начала, хотя бы для семейства, которое живетъ въ казенномъ домѣ, это и слѣдовало считать обязательнымъ. А еще вы такъ этимъ гордитесь, что въ заголовкѣ каждаго письма ставите: домъ министерства ***? но, милая, не смотря на все мое уваженіе къ

дядюшекъ, я должна замѣтить, что вѣдь и министерскіе сторожа тоже живутъ въ домѣ министерства?

Но довольно! я не хочу идти по вашимъ стопамъ даже и въ уколахъ, въ которыхъ вы въ Петербургѣ изощрились, потому что имѣете большую практику! Желаю вамъ преуспѣній съ вашимъ г-нъ Перепеновичемъ на почвѣ существенныхъ интересовъ и счастія въ жизни, по тѣмъ понятіямъ, которое вы о немъ имѣете! Не сомнѣваюсь, что вы, съ вашимъ искусствомъ и тѣмъ почтеннымъ знакомствомъ, которымъ заводитесь, при качествахъ вашего супруга, достигнете этого преуспѣнія и доставите ему десять директорскихъ мѣстъ въ разныхъ несчастныхъ компаніяхъ! Но чего вы не достигнете и не поймете — со всѣми вашими отрицаніями и преуспѣніями, это понятія о высшихъ идеалахъ жизни и умѣнья держать твердо и высоко надъ головою знамя... женщины!

Съ тѣми чувствами, на которыя вы имѣете право рассчитывать. Остаюсь

Ваша Зизи.

P. S. Не смотря на наши новыя отношенія, я неизмѣняю родственнымъ чувствамъ и прошу васъ засвидѣтельствовать нижайшій поклонъ любезной тетускѣ Аннѣ Дмитриевнѣ и дядюшкѣ Степану Петровичу. Я надѣюсь, что они не раздѣляютъ тѣхъ взглядовъ на мой выборъ, который вы высказали.

Дальнѣйшаго продолженія переписки не отыскалось и нужно предполагать, что на послѣднее письмо m-lle Зизи отвѣта отъ ея кузины не послѣдовало. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что самое это письмо, въ отличіе отъ другихъ, хорошо сохраненныхъ, носитъ слѣды весьма небрежнаго съ нимъ обращенія. Такъ на немъ остался круглый слѣдъ, повидимому отъ доннышка чашки, облитой кофеемъ; въ томъ мѣстѣ, передъ словомъ «женщины», гдѣ нами поставлены точки, пробованы были накаленные завивальныя щипцы, совершенно прожегшія бумагу, а поперекъ письма производилась, повидимому, проба чернилъ или перьевъ, о чемъ можно заключить по написаннымъ въ разныхъ направленіяхъ и разными чернилами, но почеркомъ m-lle Додо, словамъ «глунышъ», «дурочка», «дура», «дурища», «идіотка» и т. п.

Съ подлиннымъ вѣрно.

С. Буруновка.
Ноябрь, 1874 года.

М. Авдѣевъ.

¹ Слово, замѣненное точками, нельзя было разобрать, по причинамъ, объясненнымъ далѣе.